

Библиофил



P. Virgii Maronis Opera.

Mauri Scriui Honorati gram-
matici in eadem commentarii &
alii quosdam in hoc opere adnotati.

Index et notae quae sunt in operis huius
omnibus libris.

Castigationes & varietates Vir-
gilianae lectionis, per IOANNEM
Petrus Valerium.



Cum Privilegio

PARISIIS.
Ex officina Roberti Sorbani.
M.D.XXII.

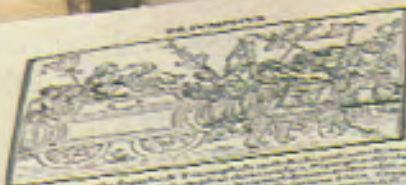
DICTIONARI-
olum puerorum.




Le siege de Metz, en
l'an MDLII



PARIS.
Chez Jean de la Haye.
M. D. C. L. II.





Т.П. Григорьева

О книге Акира Кумано «За даль земли. Повесть об Илье»*

Видимо, есть причины, почему японец, знающий Россию не один год, ныне Полномочный министр посольства Японии Акио Кавато (Акира Кумано — псевдоним) решил написать книгу о России — как она есть, как он ее видит, чувствует. Книга написана с такой долей участия, сопереживания, что не откликнуться на нее невозможно. Боль у нас общая. И хотя герои живут в наши дни и события последних десятилетий все еще живы в памяти, они нуждаются в осмыслении.

Гераклит говорил: характер человека и есть его судьба. То же можно сказать о народе: его характер и есть его судьба. Этот характер хочет понять автор, потому заглядывает в глубину веков, — не зная прошлое, не поймешь настоящее. В сущности, он ставит традиционно русские вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?», но в отличие от нас, предпочитающих ставить вопросы, нежели отвечать на них, Акира Кумано ищет ответ: что же привело Россию к бездорожью и где она сбилась с Пути? Конечно, и россияне размышляют, что же нам мешает выпрямиться, обрести себя, свою былую духовную мощь, но мы можем не замечать того, что бросается в глаза человеку иной культурной традиции. Через других познаешь себя. Тем более что есть глубинная связь японцев и русских, есть то, что заставляет нас писать русские хайку, тянуться к японской культуре, а японцев — тревожиться за судьбу России, благо она дает для этого немало поводов¹. Собственно, в этом смысл общения народов, устремленных к Всеединству, «положительному всеедин-

* Акира Кумано. За даль земли. Повесть об Илье. М., 2001.

¹ См. также: Григорьева Т.П. Японцы и русские (попытка психоанализа) // Духовные истоки Японии, № 1. М., 1995. С. 315—364.



ству», по Вл. Соловьеву, где каждому народу, каждому человеку найдется место, если он сумеет сохранить себя.

Кто виноват? Сами виноваты — никак не поймем, чего хотим. Грехопадение России, по мысли автора, — в отпадении от духовности, от своего Пути, в забвении прошлого, в отчуждении от божественных сил Природы, посылаемых Землей-Матушкой. Неосознаваемая и оттого более опасная онтологическая измена себе, своему преданию.

Что делать? Упорядочить себя, свою душу. Неупорядоченная душа, по Св. Августину, сама в себе несет свое наказание. Не винить других, не искать «козлов отпущения», а заглянуть в себя, в содеянное, ничем не объяснимое. Скажем, можно ли найти разумное обоснование «военно-промышленному комплексу», от которого не знаем, как избавиться? А главное, как избавиться от воинственной психологии, имперской закваски, которая давно уже отработала себя в истории, но Россия и с этим опаздывает. В чем я совершенно уверена, так это в том, что нельзя любить свое отечество, не любя другое, нельзя идти на поводу непросвещенной массы, которая не ведает что творит, разрушает то, что хочет защитить. Об этом знали древние. Тот же Гераклит говорил: «Людам не стало бы лучше, если бы исполнились все их желания». Лев Толстой называл сплоченность непросвещенной массы «злом мира»: «Сила сцепления людей есть

ложь, обман. Сила, освобождающая каждую частицу людского сцепления, есть Истина»².

Что же говорить о русской философии — она вся пронизана Логосом свободы. «Прекрасная вещь — любовь к отечеству, но есть еще нечто более прекрасное — это любовь к истине», — писал П.А. Чаадаев. Превратно понятая «любовь к родине разделяет народы, питает национальную ненависть и подчас одевает землю в траур; любовь к истине распространяет свет знания»³. И разве не тому же учили святые отцы России? Кто не знает слов Ал. Невского: «Не в силе Бог, а в правде». А народная мудрость: «Что посеешь, то и пожнешь», «Посеешь ветер — пожнешь бурю». «Народ» — понятие качественное, не количественное, потому и говорят: «Глас народа — глас божий». Потому и автор этой книги верит в «вечность России».

Были и в Японии воинственные времена помрачения духа. Но и тогда находились проповедники Истины, такие, как японский христианин Утикура Кандзо (1861—1930), выступавший против нелепого ура-патриотизма: «Истина исходит от Бога, не от государства. Страну можно спасти лишь делами Истины. Если сохраним Истину, то и поверженное государство воспрянет. Отречемся от Истины, и процветающее государство погибнет. Кому не безразлична жизнь человечества, ставит Истину выше преданности государству» («Истина» — «Синри»). И разве случайно в те же 20-е годы ратники Истины были выдворены из России и лишь теперь возвращаются своими творениями, чтобы оживить ее память. «...Раскрытие истины абсолютной и вечной выше всего в мире, выше счастья людей; выше всякого знания для человечества, выше спокойствия, выше хлеба земного, выше государства, выше самой жизни в этом мире. Миру должно быть поведано слово истины, объективная правда должна раскрыться, чего бы это ни стоило, и тогда человечество не погибнет, а спасется для вечности»⁴.

Значит, существует некий Закон, данный свыше, — назови его Божьим Промыслом или Небесным Путем, — который обойти невозможно. В народе принято называть это «правдой-матушкой», которую потеряла Россия, но и без нее жить не может, понимая сердцем, что жить по правде — значит жить по совести, а без этого ей не возродиться. На уровне подсознания, интуитивно русская душа всегда тянулась к правде, но те самые правдолюбцы, совесть Земли, которые прошли через всю русскую литературу в поисках ответа «Кому на Руси жить хорошо?», — ответа так и не нашли. Не потому ли, что заглядывали «За даль земли», а не в себя, не в собственную душу? А уж если искали в собственной душе, то безвылазно, настолько она широка, эта душа, не знающая границ.

Вот такого правдолюбца из глубины России нашел автор, взыскающим сердцем распознав душу русского человека, которая тогда и жива, когда со-

² Толстой Л.Н. В чем моя вера? / Полное собрание сочинений Льва Николаевича Толстого. М., 1913. С. 183.

³ Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего / Сочинения. М., 1989. С. 140.

⁴ Бердяев Н.А. Великий Инквизитор / Новое религиозное сознание и общественность. М., 1999. С. 78.

прикасается с Матушкой-Землей. Потому и нашел его в среде староверов, умеющих ценить традиции и данное слово. Он в песне изливает правду, накипевшее на душе. Не случайно Илье близок Высоцкий, песни которого больше разбередили ему душу, чем все политики и идеологи, не нашедшие Слова. Конечно, Ильи Макошин не того масштаба, что Ильи Муромец, но и Россия не та, само время мельчает, мельтешит. Но он, ее исконный сын, несет в себе ее «теплоту и вечность», вековую память, которая начинает оживать. И как иначе: народ, лишённый памяти, обречен на вымирание.

Но где же «Тройка» свернула к «обрыву», мучительно размышляет герой. То ли расплата за злодеяния царей, злого духа Ивана Грозного, подрывившего свободу Великого Новгорода? А, может быть, сам необъятный простор России стал ее испытанием, научив смотреть вдаль и не видеть вблизи? Действительно, «какой русский не любит быстрой езды!» Знать бы еще, куда мчимся. И опять глас народа: «Тише едешь, дальше будешь». Но тормозить не научились, мчимся во весь опор, неизвестно зачем, хотя стоило бы оглянуться назад, чтобы знать, что впереди.

Необъятный простор породил широту души, но и ее непредсказуемость, недалёковидность: «за деревьями не видим леса». И над этим размышлял Бердяев: «В душе русского народа есть такая же необъятность, безграничность, устремленность в бесконечность, как и в русской равнине... Русский народ не был народом культуры по преимуществу, как народы Западной Европы, он был народом откровений и вдохновений, но не знал меры и легко впадал в крайности». И оттого «развитие России было катастрофическим»⁵.

Так и двигалась Россия, из крайности в крайность. И древних богов, духов Природы, отвергла без особой надобности — от широты души. И это удивительно японцам, которые с древних времен и поныне чтут Путь богов-Синто, приемля мудрость, откуда бы она ни исходила. Потому и нашли достойное место в жизни буддизму и конфуцианству. В этом умении уравнивать одно другим — исконное свойство японцев, причина устойчивости традиционной культуры, сохранившейся почти в неизменном виде до наших дней. Правда, в этом таится и некая опасность: если Япония утратит традиционную структуру, неизменную Основу (фуэки), то может не выдержать напора чуждых ей цивилизаций, чем обеспокоены японские ученые XX и XXI веков.

С одной стороны, широта русской натуры, о которой с таким сочувствием и пониманием пишет Акира Кумано, — это и доброта, и удаль, и любовь к свободе. С другой — «славянский дух замешан на иррациональности, глубокой духов-

ности, страданиях и безалаберности»⁶. И все же эта мистическая иррациональность — оберег России, отторгающий не органичные ей рациональные системы, будь то социализм в псевдо-марксовом варианте, будь то капитализм в европейском, сколь бы ни уверяли его адепты в обратном, уверовав в абсолютность европейского пути. Да и герои книги видят в капитализме «чудовище двадцатого века, черную магию, выпустившую на волю человеческую алчность... И все стали чужими друг другу»⁷.

Но эта же иррациональность может принимать зловещие формы саморазрушения, «русского бунта, бессмысленного и беспощадного», по Пушкину. Россия, в самом деле, «то беспредельно грешная, то беспредельно святая»⁸; крайности сталкиваются с такой силой, что взаимоуничтожаются. Ум, не подкрепленный просвещением, впадает в спячку, — каждый раз приходится начинать с нуля. Никак не встретятся ум и воля, слово и дело, власть и народ. В этом разладе двух сторон целого, пожалуй, главное наше отличие от японцев. Уже первые боги научили их связывать концы с концами, и назывались боги Таками-мусуби, небесный, и Ками-мусуби, земной. А «мусуби» значит связывать одно с другим, избегая пагубной односторонности (теперь бы сказали, закон «обратной связи»).

Но есть и то, что нас объединяет. Прежде всего, любовь к Природе. Наши нации более ориентированы на естественные, Богом данные законы, чем на технический прогресс. Автор не раз возвращается к мысли, что сила России в ее близости Природе, в духовности, и это отличает ее от рационального, прагматичного Запада. Европа Божьему промыслу предпочла путь человеческой самости, что может обернуться для нее бедой: «Природа, земля — попросту объект использования. Как будто бы люди сами боги. И нечему удивляться, если земля за то отомстит: одной ночью здесь все затопит вода»⁹. Уповающим на Природу это не угрожает.

Есть еще одно качество, которое нас сближает. «Славяне ведомы вечно женским началом»¹⁰, — говорит автор. Как и Япония. Об этом, например, писал дзэнский мастер Дайсэцу Судзуки: на Западе примат отцовского начала, на Востоке — материнского. А если иметь в виду, что наступающую фазу вселенской Эволюции связывают с женской ипостасью, в нашей традиции — с Софией, Духом разумным, способным гармонизировать мир, — то наши нации имеют будущее.

Вот и ищет Ильи выход, где же сошла «Тройка» со своего Пути и как научиться управлять ею, чтобы не по ухабам, а по ровной дороге, и не во всю прыть, а с умом, которого России не занимать. Не занимать-то не занимать, но и пользоваться им не научились. Никак этот ум не войдет в силу, в ува-

⁵ Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1991. С. 14—15.

⁶ Акира Кумано. За даль земли. Повесть об Илье. С. 380.

⁷ Там же. С. 294.

⁸ Там же. С. 222.

⁹ Там же. С. 247.

¹⁰ Там же. С. 144.

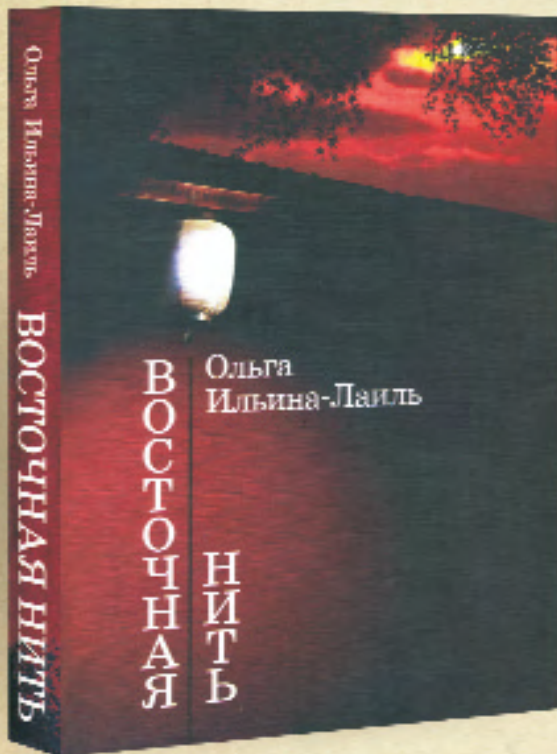
жение; хотя известно — «Горе от ума», но без ума не проживешь: сила без ума, видно, не угодна Богу. Но как разрешить «парадокс двух России», где оказались полярными Свет и Тьма? В силу вошли посланники Сатаны, Саввы Гноевы, те, кто решает проблемы «долларом и револьвером», не понимая, однако, что Илью можно убить, но нельзя уничтожить. Не понимая и того, что зло, предоставленное самому себе, достигая высшей точки, самоуничтожается. Таков закон высшей Справедливости, или Истины.

Потому и смотрят на Россию не только с опаской, но и с надеждой. Есть в ней что-то такое, что утратила фаустовская Европа, некий запас святого чувства, целомудрия. «У нас осталось много такого, что европейцы уже давно отбросили. Сердечность, человеколюбие, сила воображения. Но у нас этого воображения такое изобилие, что порядок и организованность отсутствуют»¹¹. Мягко сказано. И все же не зря говорят: без России миру не обой-

тись, лишь бы она в погоне за чужими образцами не потеряла себя, сумела возродить свою духовность, опираясь на культуру.

Что и говорить! Если русский человек выдержал самые иррациональные испытания, которые навлек на себя в XX веке, то ему уже ничто не страшно, даже Апокалипсис, с которым он освоился. Лишь бы очиститься от всяческой неправды, «амбиций и невежества», оздоровить почву: на заболоченной земле, как сказано в повести, не прорастут зерна свободы. Это верно. Трудно понять, почему Россия при таких возможностях — от природных богатств до душевных, — то и дело срывается в пропасть. Но история учит, если ею не пренебрегают, и автор верит, что «в нынешнем хаосе пробиваются ростки нового»¹². Значит, возвращается дыхание.

Такую книгу о России мог написать лишь тот, кто в нее верит. Льстят недруги, друзья говорят правду.



Ольга Ильина-Лаиль родилась в России в семье потомственных дворян Симбирской губернии. Вскоре после революции семья эмигрировала в Харбин. В канун Второй мировой войны, оторванная от близких, Ольга оказалась в Пекине, затем в Шанхае, Ханое, Сайгоне... Автобиографическую книгу «Восточная нить»¹ она на-

Рита Вебер

Восточная нить судьбы

писала уже в наши дни в Париже, где сейчас живет. Ольга Ильина-Лаиль — младшая сестра Наталии Ильиной², чье имя хорошо известно русскому читателю, впервые узнавшему из ее книг о «русской» Маньчжурии. Ильина-Лаиль не стала профессиональным литератором, как ее сестра; историю своей жизни и жизни своей семьи она рассказывает очень просто, безыскусно, без попытки укрупнить или обобщить житейские подробности эмигрантского бытия, и тем не менее книга читается как объемное повествование, в котором частная судьба вплетена в драматические коллизии XX века.

Носители русской культуры, родители Ольги, особенно ее мать Екатерина Дмитриевна Воейкова, сумели не только выжить в чужой стране, но и сохранить свой образ жизни, свой стиль, создать вокруг себя интеллигентную среду. В их доме часто собирались литераторы, заброшенные эмигрантской волной в Харбин, среди них Арсений Несмелов, Леонид Ещин, Петров-Скиталец. Посвящал

¹¹ Акира Кумано. За даль земли. Повесть об Илье. С. 142.

¹² Там же. С. 326.

¹ Ильина-Лаиль Ольга. Восточная нить / Перевод с французского Т.А. Чесноковой. Санкт-Петербург, 2003.

² Ильина Н.И. Возвращение. Роман. М., 1957, 1966; Дороги и судьбы. Автобиографическая проза. М., 1991.

стихи ее матери Всеволод Николаевич Иванов — его имя не однажды встречается в «Листах дневника» Н.К. Рериха. Писатель и историк, Вс. Н. Иванов написал книгу об искусстве Рериха, «наполненную доброжелательными и верными сообщениями», — эту книгу, как и сборник статей Рериха «Священный дозор», запретила харбинская цензура. Рерих рецензировал изданный Ивановым сборник русских сказок и горячо поддержал его идею издания в Харбине «в самой доступной форме образцов русской литературы»³. Родители научили Ольгу и ее сестру ценить русскую культуру, помнить историю своей семьи, воспитали в них стойкость и деятельное достоинство, умение не падать духом. И еще они воспитали в своих детях уважительное отношение к истории и культуре каждого народа и к людям, с которыми им доведется оказаться рядом.

В книгу вошла чудом уцелевшая переписка, которой семья Ильиной-Лаиль очень дорожит. «Прежний уклад жизни был разрушен, нас разбросало по разным странам, — пишет Ольга, — но в письмах моей мамы Екатерины Дмитриевны и бабушки Ольги Александровны зримо присутствует та атмосфера, тот воздух русской культуры, та почва, от которой оторвало нас, их детей и внуков, определив нам иную дорогу в жизни». В дневниках ее матери сохранилась запись: «Бедные мои девочки, они вырастут на всем новом, без этого аромата старины, нежного дыхания прошлого, которое окутывало все наше детство».

У Ольги Ильиной-Лаиль есть основания гордиться своими корнями. Ее предки много пользы принесли русской, и не только русской культуре и науке, отличались широтой интересов и азартной преданностью любимому делу. Прадед, инженер-поручик А.В. Толстой — известный геральдист, нумизмат и страстный археолог. Он провел годы на раскопах Помпеи и был там известен как «русский князь». Дед, «дядюшка-профессор» А.И. Воейков, взявший на себя попечение об огромной семье брата после его смерти, — первый русский климатолог, автор фундаментального труда «Климаты земного шара и в особенности России», основатель курортной климатологии. По его рекомендации в Грузии в начале прошлого века стали культивировать китайский чай. Имя А.И. Воейкова носят обсерватория, пролив в архипелаге Курильских островов и ледник на Северном Урале. А профессия А.Д. Воейкова, дяди Ольги, имеет прямое отношение к тому, ради чего была организована последняя экспедиция Рерихов, — разведке азиатских засухоустойчивых растений. Автор книги «Климаты Маньчжурии», агроботаник А.Д. Воейков заведовал опытным полем КВЖД на станциях Эхо и Сяолин. Летом 1933 года, за год до экспедиции Рерихов, его похитили подстрекаемые японцами местные бандиты — хунхузы. Выкупить его удалось с помощью харбинских друзей семьи

только глубокой осенью — он вернулся с воспалением легких, в лохмотьях и язвах и чудом выжил.

Выжила и Ольга в своих нелегких эмигрантских странствиях — помогла семейная жизнестойкость, трудолюбие, терпение и упрямая вера в то, что надо «отталкиваться от берега и плыть, плыть, а там посмотрим». Из Харбина, оккупированного японцами, она едет в Пекин. Первое пристанище — ХСМЖ, Христианский союз молодых женщин. Здесь, в Пекине, живет ее подруга Ли (ее дед когда-то приезжал в Грузию как специалист по разведению чая, — так, через дедов, они, вероятно, и познакомились). Любознательная Ольга усердно вникает в историю Китая, в невнятицу бесконечных военных перетасовок, пытается учить язык. В Пекине ей нравится все: «золоченые, голубые, зеленые крыши храмов, редкие машины, поток рикш, караваны длинношерстных двугорбых верблюдов, пересекающих улицы, озабоченные пешеходы в длинной одежде... Очень зеленый с апреля по ноябрь, зимой Пекин укутан тонким снежным покрывалом, и эта белизна на фоне лазурного неба придает ему невыразимую красоту, несмотря на ледяной ветер».

Но Пекин, любимый город ее юности, пришлось покинуть — туда пришли японцы. Ольга едет в Шанхай, потом в Ханой по приглашению старого друга семьи Масснэ, племянника знаменитого композитора. Но война докатилась и сюда, в Индокитай, «оазис мира, благополучия и процветания в Восточной Азии». Муж, французский лейтенант, убит японцами, связь с родными из-за войны потеряна, Ольга осталась одна с крохотной дочерью на руках... Однако пережитое не перечеркнуло для нее годы, проведенные на Востоке. Она с сердечной теплотой вспоминает людей, встретившихся на ее пути, восхищается природой, древними дворцами и храмами. Недаром говорят, что путешествия составляют необходимую часть образования, помогая соотнести масштабы. Ильина-Лаиль наблюдательна и неравнодушна, ее любопытство к миру не ограничивается спектром тогдашних харбинских проблем и настроений, которые ее мать в одном из писем характеризовала как «японско-китайскую путаницу, приправленную эмигрантщиной и большевизмом». В книге нашлось место размышлениям о европейской цивилизации, распространяющейся на Восток, о размежевании белоэмигрантов на пораженцев и оборонцев, о «культурной революции» Мао, о древней когда-то великой империи кхмеров и о многом другом.

Запоминается рассказ о посещении «кхмерского Версаля» — Ангкора: «...Замираем перед барельефами, посвященными битвам по сказаниям Рамаяны и повествованию о Молочном море. Третье основание служит опорой для пяти башен, украшенных высоко возведенными венками из белого камня. Всюду внутренние дворики, водоемы... Вдруг, словно по сигналу, огромное дымное облако вы-

³ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 1. 1999. С. 635, 176.

рывается из центральной башни храма, а за ним почти одновременно встают дымовые колонны над остальными четырьмя башнями. Пять столбов дыма на наших глазах сливаются в одну огромную тучу, застилают небо и уходят на юг. Это перелет неслетного полчища летучих мышей к большому озеру Тонле-Сап в поисках пропитания...» Древние памятники культуры, хранящие свои тайны, Ольга воспринимает как часть природного естества, как свидетельства единого вечного пространства жизни, не подвластного разрушению. Ее восхищает уникальный шедевр археологов, сохранивших в первозданности памятник Та-Пром: «Огромные деревья, баньяны, бавольники оплетают своими мощными воздушными корнями башни и стены, прорастают между плит, вздымают своды, опрокидывают или поддерживают гигантские обломки камней, громоздящихся друг на друга; кажется, это гигантские спруты обхватывают щупальцами свою жертву. Зрелище уникальное, от этих руин веет поразительным величием, — бессмертная природа торжествует над тщеславием человека». Хроника надежд и разочарований молодой женщины, мечтающей устроить свою судьбу, обрести дом, создать семью, перемежается описаниями поэтичес-

кими и глубокими. Ее сердце отзывается не только тревожно-предостерегающей музыке Востока, но и его врачующим колыбельным ритмам: «Сидя на крыше из плетеного бамбука, я задумчиво смотрю на луну, как она играет в прятки с темными силуэтами островов, и меня убаюкивают удары весел, сопровождаемые песней гребцов — незамысловатым рефреном из двух высоких нот... Не знаю почему, но вдруг мне вспомнился отец, может быть, он оценил бы эту минуту спокойствия после долгих испытаний, которые ему пришлось пережить в его родной стране...»

Опыт XX века — горький опыт. Русская парижанка Ольга Ильина-Лаиль и ее семья хлебнули его с лихвой. Понадобилось полвека, пишет Ольга, чтобы понять: «Минотавр, который преследовал меня в Азии, не был ни Японией, ни японским императором, и уж конечно это не японский народ, который прошел через ужасные испытания... Я думаю о жестокостях, которые мне приходилось наблюдать в Европе, когда я приехала во Францию. Нет, для меня Минотавр — это просто Насилие, оно пожирает людей и плоды их труда, питается их тщеславием и амбициями, причиняет столько напрасных страданий и продолжает губить мир».

А.А. Баркова, В.В. Фролов

История мировой философии: истинное понимание или искаженное представление?

*О новом учебнике по истории мировой философии**

Написать учебник по какой-либо дисциплине трудно. По истории мировой философии — трудно вдвойне. Нужно не только прекрасно знать историю философской мысли, исходить из истинного понимания направлений и форм ее эволюции, но и иметь большой опыт преподавания этой дисциплины, обладать глубокой философской культурой.

«Книга «История мировой философии», — отмечает ее автор С.Р. Аблеев, — принадлежит к числу новых российских учебников, призванных качественно обновить содержание и методику преподавания гуманитарных дисциплин»¹. Идея как нельзя более актуальна: для обновления, развития гуманитарного образования действительно нужны новые учебники, ориентирующие школьников, студентов,

педагогов на современные подходы к системному рассмотрению представлений о мироздании, человеке и обществе. Поэтому декларированная автором методологическая установка настраивает читателя на оптимистический лад. Только вот оправдываются ли эти ожидания?

Во введении к своему труду С.Р. Аблеев предвещает, что учебник выражает «один из взглядов» на историю философии и что автор «оставляет за собой право не разделять традиционные представления последователей диалектического материализма, догматического богословия, позитивизма и иных течений о некоторых философских проблемах»². Одновременно автор заверяет, что в учебнике с первой и до последних страниц выдерживается «принцип философского плюра-

* Аблеев С.Р. История мировой философии: Учебник / С.Р. Аблеев. М., 2002.

¹ Там же. С. 11.

² Там же. С. 17.

лизм»³. Из этих предварительных суждений автора вытекает по меньшей мере два обнадеживающих предположения. Во-первых, если Аблеев не разделяет традиционные философские концепции, то можно ожидать, что в учебнике реализована какая-то иная оригинальная авторская позиция. И, во-вторых, эта позиция настолько всевещающе-корректна, что позволяет в полной мере соблюдать «принцип философского плюрализма», который провозглашает автор.

Между тем главное в учебнике — мировоззренческий и методологический подход к изложению материала — как раз и вызывает недоумение и разочарование. Ибо, с одной стороны, Аблеев декларирует свое расхождение с традиционной и, в частности, марксистской философией, а, с другой — по существу все богатейшее многообразие школ и направлений мировой философии пытается описать со старых позиций, упрощающих и схематизирующих ее истинную эволюцию. Рассматривая, к примеру, «основной вопрос философии» — о соотношении мышления и бытия⁴, постановка которого характерна только для марксистской философии, Аблеев почему-то выделяет этот «основной вопрос» и в других шестнадцати философских школах, — буддизме, индийской философии, даосизме, античных философских школах, христианской философии, суфизме и т.п. Автор ставит в один ряд таких мыслителей, как Будда, Шанкара, Лао-цзы, Фалес, Платон, Аристотель, Августин, Ориген, Василий Великий, Фома Аквинский, Ибн-аль-Араби, Якоб Беме, Парацельс, Бэкон, Кант, Гегель, Шлик, Карнап, Хайдеггер, Камю, Блаватская, Рерихи и многих других, — всего в этот ряд он включает пятьдесят шесть мыслителей⁵ и тем самым подводит по существу всю мировую философию под общий диалектико-материалистический «знаменатель», «выпрямляя» и деформируя очень сложный и противоречивый процесс развития мировой философии.

Вместе с тем, желая выглядеть современным, Аблеев пытается преодолеть ограниченность марксистской методологии при раскрытии других философских проблем. Размышляя о практическом смысле изучения философии, он явно смещает акценты от философии диалектического материализма к некоторым положениям восточной философии. Философия дает человеку, объясняет автор, «осмысление того, как надо правильно (без иллюзий, без заблуждений, без страданий и т.д.) жить». И еще: философия «позволяет использовать достижения философской мудрости для самосовершенствования»⁶. Если бы эти тезисы представляли собой грани некоего целостного видения философии, то их использование в тексте учебника можно было бы только приветствовать. Но «встроенные» автором в систему традиционно-марксистских представлений, они вы-

глядят в их контексте инородными элементами. «Основной вопрос философии» и другие темы автор рассматривает в марксистской трактовке, а практический смысл философии пытается описать, обращаясь к положениям иной философской системы, — такой способ изложения философских проблем нельзя назвать иначе как эклектичным. А это означает, что претензия автора с помощью изданной им книжки качественно обновить преподавание гуманитарных дисциплин оказывается несостоятельной. Аблеев так и остался в плену традиционных диалектико-материалистических представлений, лишь иногда пытаясь их искусственно модернизировать положениями, заимствованными из других философских учений.

Еще на одно методологическое «открытие» Аблеева хотелось бы обратить внимание. «Наука, — пишет он, — долгое время отвергала существование эзотерической философии и принижала значение философии восточной. Сегодня новые поколения исследователей начинают осознавать ошибочность такой позиции. Настало время восстановить справедливость»⁷. Решимость автора восстановить справедливость безусловно подкупает. Но он пытается это делать, опять предлагая читателям учебника упрощенное понимание сложных историко-философских проблем. Одна из них — отношение к эзотерическим учениям.

Декларируя стремление преодолеть европоцентризм в изучении истории философии, автор наряду с индийской, китайской, арабской, западной и русской философией выделяет философию эзотерическую (буквально: «тайная», «сокровенная»). Ее представителями в учебнике названы такие мыслители, как Махатма Мория, Махатма Кут Хуми, А.П. Синнет, Е.П. Блаватская, А. Безант, Ф. Ла Дью, М.П. Холл, В.И. Эванс-Вентц, А. Девид-Нозль, М. Элиаде, Е.И. Рерих, Ю.Н. Рерих, Б.Н. Абрамов, Л.В. Шапошникова, Р. Генон⁸. К собственно эзотерической философии автор учебника причисляет теософию, Учение Храма и Живую Этику.

Критерии, по которым автор относит эти учения к эзотерическим, состоят в следующем:

- «1) они основаны на теориях “Сокровенной Мудрости” Шамбалы — теориях, до XIX века науке и массовому сознанию почти не известных;
- 2) в опубликованных источниках нередко содержится скрытый смысловой подтекст, понимание которого связано с овладением эзотерическими герменевтическими ключами, которые публично не раскрываются»⁹.

Между тем эти критерии едва ли могут служить основанием для выделения эзотерической философии как самостоятельного направления мировой философии. Эзотерические учения присутствуют во всех основных направлениях мировой философии —

³ Аблеев С.Р. История мировой философии: Учебник. С. 17.

⁴ Там же. С. 26—27.

⁵ Там же. С. 363—365.

⁶ Там же. С. 27.

⁷ Там же. С. 15.

⁸ Там же. С. 17.

⁹ Там же. С. 350—351.

древнегреческой, индийской, китайской, арабской и т.п., однако никто из ученых на этом основании не предлагает выделить эзотерическую философию в какое-то особое направление философской мысли. По меньшей мере произвольной выглядит попытка причислить к эзотерической философии Живую Этику. Автор учебника включает в число представителей эзотерической философии Е.И. Рерих, Ю.Н. Рериха, Б.Н. Абрамова и Л.В. Шапошникову. По этому поводу известный исследователь творческого наследия Рерихов и учения Живой Этики Л.В. Шапошников в одной из своих работ, которая автору учебника по истории мировой философии не может быть неизвестна, высказалась со всей определенностью и недвусмысленностью: «Допускаются также непозволительные искажения и домыслы в осмыслении Живой Этики. Ряд дипломированных философов относят Живую Этику к эзотерической системе (С. Аблеев, Е. Зорина), совершенно забывая о том, что эзотерика есть закрытое знание, тогда как Живая Этика — это открытая философская система. Смещение в данном случае эзотерики со знаниями, полученными внеученым (внеэкспериментальным) путем, приводит к неверным оценкам Живой Этики как таковой. Процессы, происходящие сейчас в современной философской мысли, требуют четкого определения места, занимаемого в них Живой Этикой как новой философской системой с новой методологией, представляющей собой одно из важнейших явлений в системе нового мышления»¹⁰.

Необоснованное выделение Аблеевым эзотерической философии в самостоятельное философское направление — еще одно подтверждение, что в методологическом отношении его учебник весьма уязвим и не может претендовать на то, чтобы им пользовались студенты без значительного ущерба для понимания ими истории мировой философии. Тем более что и с точки зрения содержательной в нем обнаруживается огромное количество искажений сути историко-философских проблем и формальных ошибок.

В параграфе «Рерихи и Учение Живой Этики»¹¹ смещены акценты в рассмотрении принципиальных вопросов, касающихся мировоззрения Рерихов. «Елена Ивановна и Николай Константинович Рерихи, — пишет автор учебника, — под руководством Духовных Учителей (Махатм) разрабатывают учение о космической эволюции человека — Живую Этику»¹². Основу этого учения «составили 14 самостоятельных книг, подготовленных в период с 1920 по 1938 г. на основе материалов, передаваемых Махатмами Е.И. Рерих»¹³. Эти утверждения существенно искажают суть дела. Прежде всего, Учение было разработано самими Махатмами, или Учителями (индийскими философами), которые передавали Рерихам вполне конкретную информацию, касающуюся

Живой Этики, а не некие «материалы». Эта информация легла в основу написанной Рерихами Живой Этики. Кроме того, Аблеев приписывает Учителям собственную трактовку Живой Этики, что является совершенно непозволительным. «Подлинная йога, в понимании Махатм, — пишет он, — есть не что иное, как практика духовного совершенствования, которая преображает человека в высшее космическое существо, дает связь с Космическим Сознанием, беспредельные познания и власть над силами природы»¹⁴. Относительно этих суждений Аблеева возникает множество вопросов. Что автор имеет в виду под «подлинной йогой»? Как понимается «практика духовного совершенствования»? Как она преображает человека в высшее космическое существо? И, наконец, что из себя представляет это существо? После прочтения этой фразы складывается впечатление, будто Живая Этика «дает» все это человеку чуть ли не как вещную данность. Аблеев настолько упрощает тончайшие и сложнейшие процессы взаимодействия человека и мироздания, описанные в Живой Этике, что даже читателю, достаточно знакомому с произведениями Рерихов, стоит больших усилий догадаться, о чем тут идет речь. Что же говорить о студентах, в руки которых попадет учебник? И еще одна фраза из учебника: «Особую роль в социальном прогрессе человечества играет Космическая Иерархия Света, представленная на Земле таинственными Владыками Шамбалы»¹⁵. Здесь все требует пояснения: понятия «Космическая Иерархия Света», «таинственные Владыки Шамбалы» и собственно «Шамбала». Без разъяснения указанных понятий описание миропонимания Рерихов и учения Живой Этики остается декларативным и пустым и не только не способствует формированию истинного представления о философской системе Рерихов, но существенно затрудняет этот процесс.

Сомнительным достоинством учебника следует признать и попытку Аблеева «онаучить» взгляды «авторов Живой Этики»¹⁶. Учение Живой Этики он раскладывает по рубрикам и выделяет в нем онтологию, антропологию, учение о пси-энергиях и энергетических центрах человека, гносеологию и социальную философию, т.е. подводит его под традиционную структуру философского знания. В результате синтетическое Учение, грани которого представляют собой органическое целое, превращается в механическую совокупность положений и разделов. Подтверждая свою приверженность традиционному мышлению, автор изобретает для пояснения проблем человеческой жизни, раскрываемых в Живой Этике, термин «теория кармического детерминизма», под которым, как можно догадаться, имеется в виду учение о карме.

Это не единственная попытка «онаучивания» философского учения путем использования терми-

¹⁰ Шапошникова Л.В. В защиту имени и наследия Рерихов. В сб.: В защиту имени и наследия Рерихов. М., 2002. С. 27.

¹¹ Аблеев С.Р. История мировой философии: Учебник. С. 295—298.

¹² Там же. С. 295.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 296.

¹⁵ Там же. С. 297.

¹⁶ Там же. С. 296—297.

нов, не отражающих его сути. К примеру, представителей античной философии — Фалеса, Анаксимена, Ксенофана, Гераклита, Анаксимандра, Пифагора, Парменида, Левкиппа, Демокрита, Платона — Аблеев без всяких разъяснений именуется «физикалистами». Между тем этим термином обозначают одно из направлений неопозитивизма, имевшего широкое распространение в первой половине XX века. Но при чем здесь древнегреческие философы?

Ознакомление с разделами, посвященными философии стран буддизма, показывает, что автор недостаточно знаком с описываемым материалом и пересказывает его по вторичным источникам, которые к тому же изучены невнимательно. Первая из ошибок — по месту в книге и по масштабу искажения информации — содержится в таблице на с. 188, где автор перечисляет «главные религиозно-философские течения в буддизме:

- махаяна
- хинаяна
- ваджраяна».

В этом ряду махаяна выглядит древнейшим из направлений буддизма. Это совершенно ложное утверждение опровергается самим автором, когда он приводит время возникновения концепций обеих Колесниц Учения: V — I вв. до н. э. — хинаяна, примерно II в. н. э. — махаяна. Однако ошибка в таблице — отнюдь не случайная оплошность, потому что Аблеев дважды утверждает, что существует отличие хинаяны от исходного учения Будды¹⁷. Хотелось бы узнать, какое изначальное учение имеет в виду автор, если именно тексты тхеравады (хинаяны) были первыми записанными текстами буддизма.

Ошибка здесь грубее, чем может показаться. Хинаяна — это учение, наиболее близкое к тому, что Шакьямуни проповедовал людям. Махаянистская традиция утверждает, что Будда излагал людям лишь то, что они были способны воспринять, а самые значимые части учения содержит именно хинаяна, наиболее близкая к исходному учению Будды. Так что здесь Аблеев просто ставит историю буддистской философии с ног на голову.

К тому же философия хинаяны изложена в учебнике со многими искажениями. В частности, автор утверждает, что в хинаяне «духовная космическая иерархия» отрицается¹⁸. Это абсолютно не соответствует действительности. Хинаяна, как и все остальные направления буддизма, признает, что в течение нашей калпы (мирового периода) должна явиться тысяча будд, причем Будда Шакьямуни был не первым среди них. Ему предшествовали будда Дипанкара¹⁹ и несколько других, пророчествовавших о приходе того, кто принесет миру Дхарму (Учение). Еще одно ложное утверждение Аблеева: «Высший идеал последователей хинаяны — архат»²⁰. На самом деле выс-

ший идеал любого направления буддизма — будда. Уровень архата, согласно философии хинаяны, вышедший лишь в числе тех уровней, которых обычный человек может достигнуть в течение нашего мирового периода. Однако конечной целью хинаяны, как и буддизма в целом, является просветление всех живых существ.

Еще хуже обстоит дело с изложением тибетского буддизма (китайский буддизм махаяны в учебнике практически не описан). Тибетский буддизм он отождествляет с ламаизмом, что является грубейшей ошибкой. Ламаизм — это европейское название гелупки, самой поздней из основных школ тибетского буддизма. Она возникла в конце XIV века. Однако автор учебника утверждает, что «ламаизм формируется в VII — XV веках»²¹. Между тем в седьмом веке Тибет лишь познакомился с самыми общими буддийскими представлениями; древнейшая из тибетских философских школ — ньингмапа возникла в следующем столетии. Тогда как ламаизм — учение Цзонхавы (1354—1417) о духовной опоре на ламу.

Раздел, посвященный индийской философии, один из самых неудачных в книге. Иначе как «своеобразными» нельзя назвать суждения автора о йоге: «Йога как метод появилась в глубокой древности. Ее знали в Индии, в Египте, возможно, и в других странах. Ничего более определенного наука сказать не может. Йога как философская школа появляется примерно до н. э.»²². Насколько нам известно, наука не располагает никакими достоверными данными о «египетской йоге». Йога — явление сугубо индийское, и ее ответвления в других восточных традициях имеют мало общего с индийским прототипом. Что касается времени возникновения йоги как метода, то вместо ничего не значащих слов «в глубокой древности» должна стоять дата — «около III тыс. лет до н. э.» — время существования протоиндийской цивилизации Хараппы — поскольку на печатях этой цивилизации есть изображение бога (прото-Шивы) в позе, близкой к позе лотоса.

Наконец, в разделе «Обзор философских школ Древней Индии» мы читаем: «Все... школы — идеалистические или тяготеющие к идеализму»²³. Чуть позже на страницах учебника появляются и «материалистические» школы. Можно с большой степенью вероятности предположить, что реакция сколько-нибудь осведомленного читателя на такое «препарирование» индийской философии будет негативной. Ибо главная особенность индийской культуры в целом (и философии как одной из ее составляющих) заключается в единстве представлений о духовном и материальном. Разделяя индийские учения на «идеализм» и «материализм», автор упускает самую суть индийской философии, то, ради чего, собственно, и стоит ее изучать!

¹⁷ Аблеев С.Р. История мировой философии: Учебник. С. 188—189.

¹⁸ Там же. С. 189.

¹⁹ В соответствии с русской грамматической традицией мы пишем слово «будда» с заглавной буквы, когда речь идет о Будде Шакьямуни (аналог имени собственного), и со строчной, когда речь идет о любой другой просветленной сущности.

²⁰ Аблеев С.Р. История мировой философии: Учебник. С. 189.

²¹ Там же. С. 213.

²² Там же. С. 37.

²³ Там же. С. 33.

Таким образом, философия Востока, несмотря на декларированные симпатии автора, представлена в учебнике с грубыми искажениями и ошибками, что не только не может способствовать ее изучению студентами, но и, вполне вероятно, нанесет серьезный ущерб формированию их представлений о восточной культуре.

Не лучшим образом представлена в учебнике и история западной философии, как в ее классическом периоде, так и в постклассическом. Рассматривая особенности философии И. Канта, одной из крупнейших фигур классической немецкой философии, Аблеев совершенно произвольно трактует воззрения великого мыслителя. «Таким образом, — читаем мы в учебнике, — пространство, время и понятия существуют в сознании, а может быть, точнее — в подсознании субъекта как бы изначально, т.е. врожденно. Здесь Кант созвучен Платону и Декарту, допускавшим (хотя и в различных видах) возможность врожденного знания, т.е. знания (идей), которое пребывает в глубинах субъективности человека еще до его становления как сознательной личности»²⁴. Такая трактовка кантовских сверхчувственных идей далека от их понимания самим Кантом. Аблеев приписывает немецкому философу свое представление об этих идеях. Во «Введении в философию» — учебнике, который, кстати, Аблеев рекомендует студентам²⁵, по этому поводу говорится: «Вводя платоновское понятие идеи для обозначения высшей безусловной реальности, Кант понимает идеи разума совсем не так, как Платон. Идеи у Канта — это не сверхчувственные сущности, обладающие реальным бытием и постигаемые с помощью разума. Идеи — это представления о цели, к которой стремится наше познание, о задаче, которую оно перед собой ставит. Идеи разума выполняют регулятивную функцию в познании, побуждая рассудок к деятельности, но не более того»²⁶.

Характеризуя взгляды мыслителей постклассического периода западной философии, автор также допускает серьезные неточности, искажая существо философских концепций. Раскрывая, к примеру, философские идеи представителя немецкого экзистенциализма М. Хайдеггера, Аблеев одну из особенностей его творчества видит в рациональном познании бытия, хотя вопрос о бытии, поставленный Хайдеггером, не является для него в строгом смысле слова рациональным вопросом. Ибо исходным в обосновании бытия для немецкого философа уже в самом начале его творчества выступает человеческое присутствие, содержащее заметную иррациональную компоненту. Кроме того, свидетельством достаточно сильного звучания иррационалистических мотивов в философии Хайдеггера является его мысль о том, что основное настроение человеческого бытия есть страх. Таким образом, утверждая, что в творче-

стве Хайдеггера присутствует достаточно устойчивая рационалистическая установка, Аблеев искажает истинное содержание его концепции. Оба примера говорят о том, что ознакомление с учебником не дает возможности получить истинное представление о классическом и постклассическом этапах эволюции западной философии.

Далеко не безупречен и материал по истории русской философии. Хронологически непоследовательное изложение вносит путаницу в понимание истории отечественной философской мысли. «Русские религиозные философы зарубежья — Н. Бердяев, Л. Шестов, С. Булгаков, С. Франк и др.»²⁷ — фигурируют в разделе «Западная религиозная философия: неомизм»²⁸. Такую классификацию мы встречаем впервые. Она противоречит всякой логике периодизации русской философии и является просто абсурдной. Тема, посвященная «русской философии (XVIII — XX вв.)», следует за «западной постклассической философией (XIX — XX вв.)», что также выглядит довольно странно. В учебнике обнаруживается грубое искажение содержания истории русской философии. Семь веков развития русской мысли (XI — XVII вв.) изложены скороговоркой на семи страницах²⁹, что позволяет лишь перечислить какие-то имена. Между тем две страницы³⁰ отведены материалу под названием «общая характеристика и особенности русской философии», в котором вопреки общепринятой методике автор заранее постулирует характеристики русской философии вообще, включая XIX — XX вв., причем делает акцент на «принципиальных отличиях» русской философии от других «национальных традиций» (имея в виду лишь традиции западной философии нового времени). К этим «отличиям», например, относятся (всего их шесть):

- «1. Пристальное внимание к этическим вопросам и проблеме смысла жизни.
2. Разработка “русской идеи” — проблемы особой духовной миссии России.
3. Убежденность в кризисе мировой культуры и как следствие — поиск новых путей развития философии и общества»³¹.

Приведенные «отличия» выглядят совершенно бездоказательно, голословно, тем более что характеристика русской философии дана «вне времени», и непонятно, к каким периодам ее развития она относится. Совершенно ясно, что не существует «русской философии на все времена». Почти тысячелетняя ее история a-priori предполагает рассмотрение исторического изменения ее предмета на протяжении столь длительного времени.

В очерке по истории русской философии содержится такое множество необоснованных оценок и формальных ошибок, что непонятно, как такой учебник был рекомендован к печати. Великий рус-

²⁴ Аблеев С.Р. История мировой философии: Учебник. С. 165.

²⁵ Там же. С. 180 и др.

²⁶ Введение в философию: Учебник для вузов. В 2 ч. Ч. 1 / Под общ. ред. И.Т. Фролова. М., 1986. С. 174.

²⁷ Аблеев С.Р. История мировой философии: Учебник. С. 315.

²⁸ Там же. С. 314 — 315.

²⁹ Там же. С. 133—140.

³⁰ Там же. С. 133 — 134.

³¹ Там же. С. 134.

ский мыслитель Ф.М. Достоевский рассматривается как «писатель» и «психолог», но не как философ³², хотя принадлежность его не только к русской, но и мировой философии и культуре общепризнана. Повсюду, и на Западе, и на Востоке, идеи Достоевского изучаются в курсах по истории философии. В недавно изданной к 250-летию Московского университета им. М.В. Ломоносова «Истории русской философии» отмечается, что вершиной философского творчества Достоевского является роман «Братья Карамазовы», в который «включена философская поэма (легенда, как ее назвал В.В. Розанов) о Великом Инквизиторе. Эта легенда — не только часть романа, но и самостоятельное философское произведение, посвященное личности Богочеловека — Христа и теме духовной свободы, противопоставленной материальному благополучию и «порабощению хлебом»³³.

Жизнь и творчество выдающегося русского философа П.А. Флоренского представлены в учебнике столь неадекватно, что материал о нем, строго говоря, вообще не подлежит критике. Справедливости ради мы все-таки дадим свой комментарий, дабы показать вопиющий пример принижения вклада русского мыслителя в мировую философию и уничижительного отношения к его творчеству. Две фразы из учебника: «Флоренский в 1934 (1935?) г. получает десять лет лагерей», «Жизнь Флоренского трагически обрывается»³⁴. Между тем дата ареста ныне точно установлена — 25 февраля 1933 года. И так же известно, что 8 декабря 1937 года П.А. Флоренский был расстрелян. Чтобы привести эти факты, автору учебника достаточно было элементарным образом открыть любой словарь и справиться. Но это еще не все. Далее Аблеев пишет: «Социально-политическая философия Флоренского не лишена сомнительного консерватизма». Другой пример — философия евразийства, идеологи которого также (имеется в виду Флоренский, т. е. «так же как Флоренский»). — Прим. авторов) «испытывали влияние большевизма и вынуждены были как-то примириться с ним»³⁵. В связи с этими суждениями возникает несколько вопросов. Первый касается утверждения о «сомнительном консерватизме» Флоренского. В чем он проявляется и какой консерватизм несомнительный? И мог ли великий мыслитель, никогда не поступавший своей свободой, испытывать влияние большевизма в том смысле, о котором пишется в учебнике? Наконец, по какому праву Аблеев позволяет себе развязные, граничащие с кощунством оценки творчества П.А. Флоренского, совершенно несоизмеримые с высочайшим духовно-нравственным накалом его жизни? Один из известных исследователей творчества П.А. Флоренского — С.С. Хоружий в предисловии к главному философскому произведению мыслителя «Столп и утвержде-

ние истины» отмечает, что «творчество Павла Александровича Флоренского... — одна из самых замечательных страниц русской философии двадцатого века», представляющая основанное Владимиром Соловьевым в 70-е гг. XIX века направление, которое «стремилось выразить средствами философии одну из коренных интуиций русской духовности: убеждение в цельности и единстве, источной связи и гармонии бытия»³⁶.

Вернемся, однако, к евразийству. Представители этого направления рассматриваются в учебнике в разделе «Философия за колючей проволокой», хотя уместнее было бы рассказать о них в разделе «Философия русского зарубежья». Из названных³⁷ евразийцев только двое — П.Н. Савицкий и Л.П. Карсавин были «за колючей проволокой» (после Второй мировой войны), поскольку части Красной армии застали Карсавина в Литве, а Савицкого — в Праге. Савицкий после отбытия срока вернулся в Прагу, а Карсавин заболел туберкулезом в лагере под Интой (Абесь) и там умер. Но основатель евразийства — Н.С. Трубецкой, а также П.П. Савчинский (первый, кстати, вовсе не философ, а лингвист и филолог, а второй — искусствовед и культуролог), — так вот, ни Трубецкой, ни Савчинский «за колючей проволокой» не были. Никак нельзя согласиться с выделенным в учебнике «главным тезисом» евразийства: «Главное — это то, что международная изоляция большевизма ускорит возвращение России на потерянный путь евразийства»³⁸. Здесь все неправильно. По мнению евразийцев, Октябрьская революция, наоборот, означает «исход к Востоку» (так называется первый евразийский сборник, вышедший в 1921 г. в Софии). Это конец петербургского, европейски-ориентированного периода русской истории, и начало нового, евразийского периода. Отношение евразийцев к большевизму такое же, как и к Петру I, — отрицательное³⁹.

Разбор искажений и неточностей, допущенных при описании истории русской философии, как и других разделов мировой философии, можно продолжить. Но уже и тех ошибок, которые обозначены здесь, мы полагаем, достаточно, чтобы убедиться в отсутствии у автора необходимых знаний, философской культуры и просто ответственности за подготовку учебника.

Перенесем наше воображение в пространство современного образования, где студентам и просто интересующимся историей философии попадет в руки новый учебник. Как показывает его содержание, польза для тех, кому доведется ознакомиться с этой книжкой, будет весьма сомнительной. Им придется самим ответить на вопрос, способствует ли учебник истинному пониманию сложных историко-философских проблем или же дает о них лишь «плоское», искаженное представление.

³² Аблеев С.Р. История мировой философии: Учебник. С. 276—277.

³³ История русской философии: Учеб. для вузов / Редкол.: М.А. Маслин и др. М., 2001. С. 265—266.

³⁴ Аблеев С.Р. История мировой философии: Учебник. С. 302.

³⁵ Там же.

³⁶ Хоружий С.С. О философии священника Павла Флоренского. Предисловие: Флоренский П.А. Т. 1. С. 41.

³⁷ Аблеев С.Р. История мировой философии: Учебник. С. 302—303.

³⁸ Там же. С. 303.

³⁹ История русской философии. С. 527.

Публикаторский отдел МЦР

УЧЕНИЕ ЖИВОЙ ЭТИКИ

Листы сада Мории. Зов

М.: Международный Центр Рерихов, 2003. 400 с.

Листы сада Мории. Озарение

М.: Международный Центр Рерихов, 2003. 326 с.

Научное издание книг Учения Живой Этики, с обширным текстологическим комментарием и справочным аппаратом.

Выпущены две первые книги из этой серии. В комментарии отражены различия текстологического и структурного характера между первым изданием на русском языке (Париж, 1924; Париж, 1925 соответственно); дневниковыми записями Е.И. Рерих, хранящимися в Отделе рукописей Центра-Музея имени Н.К. Рериха, на основании которых была собрана и опубликована книга; книгами из личной библиотеки Е.И. Рерих с авторскими дополнениями и исправлениями,

а также изданиями книг Учения на английском языке (Нью-Йорк, 1923 и 1953; Нью-Йорк, 1952), осуществленными сотрудниками американских рериховских организаций под руководством Е.И. Рерих.

Вступительная статья к изданию — «Философия космической реальности», рассматривающая место Живой Этики в пространстве современной философской мысли, написана генеральным директором Центра-Музея имени Н.К. Рериха Л.В. Шапошниковой.

Н.В. Сергеева. Древнерусская традиция в символизме Н.К. Рериха

М.: Международный Центр Рерихов, 2003. 136 с., 90 илл.

Древнерусская традиция, как живописная, так и религиозная, получила свое осмысление на протяжении всего творческого пути Николая Константиновича Рериха: от первых шагов художника в России и до последних его творений в Гималаях. Осмысление это зиждилось на глубоком постижении истории и на собственном религиозном опыте. Но при этом, как не раз отмечали исследователи, рериховская интерпретация древнерусской истории, ее духовной традиции, была далека от ортодоксальности и близка к религиозно-философским и научным исканиям своего времени — эпохе начала XX столетия, русского культурного Ренессанса.

В новой книге Н.В. Сергеевой (Тютюгиной), искусствоведа, старшего научного сотрудника Художественного музея им. М.В. Нестерова (г. Уфа), раскрыты глубокие связи искусства Николая Рериха с живописной и с духовной традицией Древней Руси; в качестве центральных в наследии Мастера представлены темы древнерусского храма, православной святости, древнерусской истории.



предлагает новые издания

Сборник «Непрерывное Восхождение». Т. 2

К 90-летию со дня рождения П.Ф. Беликова (1911—1982)

Часть 1: Письма 1934 — 1936 гг. Письма 1938 — 1975 гг.

Часть 2: Письма 1976 — 1981 гг.

Огромное эпистолярное наследие, которое оставил П.Ф. Беликов, глубокий исследователь жизни и творчества всех членов семьи Рерихов, ярко отражает непростой процесс развития Рериховского движения в нашей стране. Из его переписки с Юрием Николаевичем и Святославом Николаевичем Рерихами, а также с секретарем Института Гималайских исследований «Урусвати» В.А. Шибаяевым, членами Латвийского общества Рериха Р.Я. Рудзитисом, Г.Р. Рудзите, Г.Ф. Лукиным, видными учеными, деятелями культуры, представителями общественности читатель узнает о препятствиях и победах, которые сопровождали выход в свет первых публикаций о Н.К. Рерихе. Художественная биография Н.К. Рериха (ЖЗЛ), юбилейные сборники «Н.К. Рерих». Из литературного наследия» и «Н.К. Рерих. Жизнь и творчество», многочисленные статьи в научных сборниках и популярных изданиях, съемки документального фильма «Николай Рерих», подготовка Всесоюзных научных конференций «Рериховские чтения» (1976, 1979 гг.), проходивших в Новосибирске, — это далеко не полный перечень осуществленных проектов, в которых проявились огромная душевная сила, энтузиазм, высокие моральные качества Служителя Общего Дела — Павла Федоровича Беликова.



Елена Ивановна Рерих. Письма

Том V (1937 г.)

М.: Международный Центр Рерихов, 2003. 384 с., илл.

Пятый том Полного собрания писем Елены Ивановны Рерих из архива Международного Центра Рерихов. В книгу вошли письма 1937 г., адресованные издателю журнала «Оккультизм и Йога» А.М. Асееву, американским ученикам Е.И. Рерих — К. Кэмпбелл, Ф. Грант, З.Г. и М. Лихтманам, а также сотрудникам Латвийского и Литовского обществ имени Рериха — Р.Я. Рудзитису, Г.Ф. Лукину, А.И. Клизовскому, Н.П. Серафининой, Ю.Д. Монтвидене и другим.

Большинство писем публикуется впервые. Их тематика, как всегда, разнообразна — помимо философских размышлений Е.И. Рерих, читатель познакомится с дальнейшей историей судебного процесса «Рерихи против Хоршей» в Нью-Йорке, а также узнает, как проходила организация и проведение Первого Конгресса балтийских обществ имени Рериха.

Книга иллюстрирована редкими архивными фотографиями, запечатлевшими членов семьи Рерихов и их сотрудников из разных стран.

